

УДК 330

Э.Т. Ушакова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВЫБОРУ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Рассматривается необходимость выбора альтернативной модели развития экономики в условиях кризиса. Исследуются теоретические и методологические подходы к выбору этой модели. Предлагается авторская трактовка этой модели как смешанной экономики, интегрирующая эволюционный и институциональный подходы. Рассматривается саморазвитие экономической системы за счет внутренних взаимодействий.

Ключевые слова: саморазвитие, взаимодействие, социальные новации, эволюция.

Разразившийся кризис воспринимается во всем мире как провал доминирующей англо-американской модели экономики и, соответственно, системный кризис современной экономической теории, в центре которой по-прежнему находится неоклассический «мейнстрим». Однако критика этой модели в основном направлена на ее практическое воплощение. В теоретическом плане необходим поиск альтернативной фундаментальной модели экономики, которая должна обеспечивать нужную методологическую основу для разработки экономической политики и способов регулирования экономики, возможность кризисов в которой если и вовсе не исключается, то, по крайней мере, их разрушительные действия не приобретают столь значительных масштабов. Согласно ортодоксальной неоклассической теории экономика, освобожденная от регулирующей роли государства и предоставленная сама себе, автоматически приходит к равновесию с максимальным уровнем благосостояния.

Однако известно, что в ходе либеральных реформ в России произошел столь существенный спад производства, что в настоящее время лишь незначительно превышен уровень его двадцатилетней давности. Если на Западе активно обсуждаются проблемы, связанные с практическим использованием доминирующей теоретической модели экономики, и достаточно определенно говорится о поиске ее альтернативы, то в России сторонники либеральной экономики не собираются отказываться от неоклассической модели рынка. Правительство считает, что государство должно не только думать об отражении сиюминутных угроз, которые несет кризис, но и «иметь долгосрочный план возвращения ведущей роли частному сектору» [1, с. 9]. Выходит, что государство необходимо только для покрытия убытков частного сектора и обеспечения условий для максимальной наживы частного капитала. После этого оно не должно вмешиваться в экономику, обеспечивая тем самым возвращение частному капиталу «его ведущей роли» и возможность очередного кризиса. При переходе к рынку в России была совершена ошибка, заключающаяся в некритическом принятии неоклассической экономической теории, не отвечающей потребностям российской экономики и общества и соот-

ветствующей ей неоклассической модели рынка. Опыт ее применения в России показал полную несостоятельность этой модели.

Макроэкономика все еще остается наименее изученным разделом экономической теории. Такое отставание, видимо, связано с преобладанием в российской экономической политике 1990-х гг. консервативных западных течений и прежде всего монетаризма, который существенно упрощает и схематизирует макроэкономический анализ. Конечно, финансово-экономический кризис на Западе и длительная депрессия 1990-х гг. в России дискредитировали эти течения. Однако в российской экономической литературе эти течения не были отвергнуты, а на смену им не пришли дискуссии по поводу альтернативной теоретической концепции и конструирования адекватной ей модели экономики. И хотя в настоящее время монетаризм не пользуется прежней популярностью у экономистов и публицистов, но он существенно влияет на представления руководства Минфина и Центрального банка об экономических процессах.

Между тем, кроме англо-американской модели рынка, существуют и другие модели рынка и капитализма. Каждая из них имеет собственную цель и способы ее достижения: специфические институты и инфраструктуру, традиции и соответствующий менталитет населения. Неразрывное единство цели социально-экономического развития и средств ее достижения обуславливает специфичность инструментов экономической политики и способов регулирования экономики. Именно поэтому инструменты, подходящие в одних конкретно-исторических условиях, оказываются непригодными в других. Так, для неоклассической модели рынка целевым ориентиром выступает достижение максимальной прибыли. И вся инфраструктура капитализма, вся система его институтов приспособлены к достижению этой цели. Китайская планово-рыночная модель экономики нацелена не столько на прибыль, сколько на рост общественного благосостояния. На первый план выдвигается решение социальных проблем и согласование экономических интересов. В японской модели главным источником роста экономики является эффективное государственное управление. Правительство становится главным хранителем общественного интереса. Именно оно решает, в чем этот интерес состоит. Через своих администраторов правительство продвигает, защищает, контролирует, регулирует и часто управляет экономической деятельностью. И это в Японии не называется «командно-административным произволом» [2, с. 74].

Неоклассическая теория исходит из того, что поведение всех субъектов рынка не зависит от конкретно-исторической специфики развития стран, а также от характера рынка. Главным мотивом производства в принятой в России экономической модели является максимизация прибыли. Это означает, что экономика в значительной мере утрачивает свой социальный характер. Современные монетаристы считают регулирование денежно-финансовой сферы главным и наиболее адекватным свободному рынку способом воздействия на экономические процессы. Центр тяжести российской экономической политики перенесен с реального сектора экономики на финансовую сферу. К сожалению, современные приверженцы либеральной экономики по-прежнему считают, что «невидимая рука рынка» является панацеей от всех

бед и способна обеспечить самонастройку рыночной экономики. Однако доминирующая теоретическая модель исключает многие аспекты, которые таят в себе возможность кризиса. Так, важнейшей характеристикой рыночной экономики является фундаментальная неопределенность. В этих условиях экономические агенты не могут выработать рациональные ожидания относительно будущего. Именно поэтому рыночная экономика в конце концов наталкивается на пределы саморегулирования.

Существует еще и кейнсианский способ смягчения последствий кризисов. Кейнс и его многочисленные последователи считают, что неконтролируемый рынок является конечной причиной кризиса. Нужна активная политика по поддержанию спроса и предотвращению необратимых потерь в реальном секторе экономики. Это позволит сохранить производственный потенциал. Поскольку кризис пробрел системный характер, точечное принятие решений в кризисных обстоятельствах не работает. Антикризисное регулирование в режиме «скорой помощи» может привести к «схлопыванию» назревших структурных сдвигов. Необходимо разработать систему антикризисных мер. А для этого нужно определиться с моделью развития экономики.

В течение последних 30 лет кейнсианство трудами ученых последующих поколений оформилось в направление еще более высокого уровня – посткейнсианство. Возможности посткейнсианства не исчерпываются исследованием макроэкономических взаимосвязей, приводящих к недостаточности совокупного спроса и требующих соответствующей макроэкономической политики. Различия между разнообразными экономическими системами с позиций посткейнсианства можно рассматривать с точки зрения того, как в этих системах борются с неопределенностью будущего [3]. Разные экономические системы характеризуются конкретно-исторической совокупностью институтов, представляющей собой систему институтов, адекватную данной системе производственных отношений. Под институтами в посткейнсианстве понимаются именно механизмы снижения неопределенности. Эволюция институтов – это объективный эволюционный процесс. Кроме того, важнейшим фактором, определяющим институциональную динамику в рыночной экономике, является желание хозяйствующих субъектов снизить неопределенность, например, путем заключения форвардных контрактов, являющихся формой контроля частных фирм над ценами и заработной платой. Этот контроль, превращая неопределенность в относительную определенность и задавая тем самым будущие цены и издержки, необходим для обеспечения надежных источников финансирования инвестиций. Другой пример – контроль коммерческих банков над денежной массой, который достигается путем управления пассивом, кредитом и прочими финансовыми инструментами [4, с. 53]. Рост же неопределенности сокращает вложения в производственные активы длительного пользования и способствует падению уровня производства и занятости.

В ходе эволюции, направленной на снижение неопределенности, система рыночного капитализма приобрела такие институты, которые на какое-то время стабилизировали эту систему и повысили потенциал ее роста. Институциональная эволюция, происходившая в развитых странах Запада на про-

тяжении большей части XX столетия, сгладила циклические колебания деловой активности. Разразившийся в 2008 г. финансово-экономический кризис обнаружил, что необходимо устранить его глубинные причины и прежде всего изменить модель экономики. Сейчас можно говорить о начале демонтажа макроэкономической модели, основанной на идее полезности дерегулирования, вере в способность саморегулирования чисто рыночных механизмов и их высокую эффективность.

В арсенале экономической науки существует три основные теоретические парадигмы, задающие методологию исследования на всех уровнях экономики. Это – неоклассическая концепция, парадигма институциональной экономики и эволюционная парадигма. Все они являются по существу научно-технологическими парадигмами механико-материалистического толка. Их принципиальный недостаток заключается в том, что в них нет человека. Выход из этой парадоксальной ситуации, сложившейся в современной экономической мысли, может находиться в развитии интегрированной системной парадигмы, объединяющей институциональную и эволюционную концепции. Такая методология даст возможность рассматривать экономические системы с точки зрения их различных характеристик: экономической, социальной, институциональной, технологической и др. Понимание человека не только как средства, но и цели экономики становится все более органичным и необходимым для самой экономической науки, учитывая постепенное вхождение человеческого сообщества в постиндустриальную эпоху.

Современная экономика – это не просто чисто рыночная экономика. Это – смешанная экономика, являющаяся сложной социально-экономической системой. Развитие таких систем происходит в соответствии с определенными закономерностями, обусловленными как изменениями во внешней среде (научно-технический прогресс, трансформация институтов и др.), так и внутрисистемными изменениями. Системный прогресс характеризуется возникновением функциональных и структурных изменений, которые ведут к усложнению самой системы, усовершенствованию организации, а также к увеличению разнообразия ее связей с внешней средой. Целостность ее как целенаправленной, саморазвивающейся и самоорганизующейся системы обеспечивается взаимодействием составляющих ее частей – частного и государственного секторов. Пришедшие из естественных наук идеи самоорганизации формируют новое теоретическое представление об экономике как системе, в отношении которой справедливы общие принципы действия любых сложных систем.

Одним из таких принципов является универсальный принцип дополненности. Он был открыт великим датчанином Нильсом Бором. Суть его заключается в том, что «противоположности не исключают, а дополняют друг друга». Частный и государственный секторы как противоположности взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие рождает принципиально новое свойство на макроуровне (эмерджентное) – системообразующее свойство, присущее лишь системе в целом. Это означает, что целостность и саморазвитие системы не будут обеспечены без этого взаимодействия-дополнения, а сама система будет подвержена распаду. Происходит пере-

стройка прежней системной целостности по мере эволюционного развития системы. Прежде всего, такая целостность формируется на функциональной основе и имеет совсем другую методологическую природу, нежели целостность, в исследовании которой применяется традиционный подход.

Суть традиционного подхода заключается в том, что в основе социально-экономической системы лежит некая неизменная сущность – субстрат, как нечто изначально слитное, подлежащее лишь выявлению. Системность выступает как нечто совершенно очевидное и как таковая, не требующая никаких определений. Марксизм относил к такой неизменной и скрытой в объекте сущности, лежащей в основе капиталистической системы, частную собственность на средства производства и общественную собственность на средства производства – для социализма. Отсюда и представления о социализме как о единой фабрике, имеющей единственного субъекта общественной собственности и единственного субъекта регулирования в лице государства.

Современное системное исследование фактически полностью исключает постулат субстанциональной природы целостности и предлагает альтернативный подход к пониманию природы целостности на функциональной основе. Целостность при этом начинает играть роль методологической установки. Она рассматривается не как некая скрытая в объекте сущность, а как принцип, определяемый спецификой исследуемого объекта и задачей исследования. В системе, представляющей собой органическое целое, элемент системы или ее часть определяются прежде всего их функциями. С точки зрения системы важно не то, каков субстрат элемента системы, а то, чему служит элемент в рамках целого, как он работает на целостность, какие функции выполняет. Функции задаются не «изнутри», а «извне», т.е. определяются требованиями со стороны целого. Системность, образованная на функциональной основе, заставляет пересмотреть марксовы выводы об асимметричном характере зависимости противоположных сторон, когда одна сторона первична, другая вторична, одна преимущественно определяет другую. Взаимодействие противоположностей формируется теперь на основе принципа дополнительности. Противоположности представляются как ипостасные отношения, с упором на самостоятельность и особенность каждой ипостаси, подчиняющимися своим, собственным законам развития и сохраняющими равнозначность, равноценность влияния друг на друга. Здесь нет определяющих и производных, первичных и вторичных противоположных сторон, как у К. Маркса. Единство и борьба противоположностей рассматривались марксизмом как источник саморазвития системы, в ходе которой побеждает ведущая сторона, приобретая признаки своей противоположности и теряя при этом свою особенность.

Саморазвитие системы, образованной на функциональной основе, идет за счет взаимодействий. Взаимодействия являются движущей силой эволюции, ее фундаментальной сущностью. Закон возрастания энтропии описывает формирование результирующего вектора взаимодействий. Понятие энтропии, рожденное в физике, не является чисто физическим. Оно может рассматриваться в равной мере как биологическое, химическое или социальное. Энтропия – это величина, скорость роста которой характеризует интенсивность

процессов превращения разных форм взаимодействий друг в друга. Рост энтропии говорит о прогрессивной эволюции в сторону усложнения в результате возникновения новаций. Вектор эволюции направлен на наращивание процессов метаболизма, превращения разных форм взаимодействий друг в друга [5, с. 104].

Социальные кризисы приводят к большим переменам. Происходит значительная перестройка системы, сопровождающаяся разрушением старых подсистем и возникновением новых. Социальные кризисы стимулируют социальные новации. Рыночная конкуренция не является формообразующим фактором социальной прогрессивной эволюции, похожим на то, как конкуренция является формообразующим фактором биологической эволюции. У рыночной конкуренции подобно борьбе за существование в органическом мире, как отмечал еще Ф. Хайек, свои эволюционные, но не творческие функции. Рыночная конкуренция хотя и стимулирует новации, однако их не создает. Функция рынка состоит в том, что он, осуществляя взаимодействие индивидов и социумов, способствует интенсификации метаболизмов и ускоряет тем самым социальную эволюцию. Рост энтропии происходит не только вследствие интенсификации процессов взаимодействий уже существующих структурных уровней, но и за счет образования новых типов структур, с появлением которых происходит наращивание процессов превращения взаимодействий. Усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому. Развитие системы проявляется в двух аспектах: и как саморегуляция, и как саморазвитие. Целевая причинность как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы в целом дополняется идеей направленности развития. В результате взаимодействия частного и государственного секторов рождается принципиально новое свойство системы как саморазвивающейся и самовоспроизводящейся. Ее целевой функцией является расширенное воспроизводство качества жизни человека на основе развития общественных отношений, в структуре которых воспроизводство капитала занимает вспомогательное место – как средство обеспечения развития человека. Взаимодействие частных и государственных секторов с помощью институтов должно обеспечить согласование частных и общественных интересов, оптимальное сочетание рынка и государства в рамках смешанной экономики с учетом исторической и социальной специфики национальных систем. Причины неудач российского перехода к рынку, особенно на фоне успеха такого перехода в Китае, многие ведущие западные и отечественные теоретики связывают прежде всего с проведением не системных, а частичных преобразований, не учитывающих специфику и единство российского общества, необходимость формирования целостного характера смешанной экономики в процессе рыночных преобразований. В основу целостности экономики должна быть положена социальная доминанта интенсивного экономического развития и инновационного воспроизводства. Эволюция экономических институтов играет важную роль в становлении целостности экономики и достижении цели. Совокупность институтов, сформированная как система, адекватная смешанной экономике, должна формировать механизм, на основе которого должно идти

согласование общественных и частных интересов. Ясно, что механизм хозяйствования в смешанной экономике не может быть чисто рыночным механизмом саморегулирования, а должен быть смешанным.

Основные проблемы развития смешанной экономики заключаются в том, чтобы найти оптимальное соотношение между рыночным механизмом саморегулирования и государственным регулированием, а также определить наиболее эффективные способы государственного вмешательства в экономику. Только теперь исследование проблемы взаимосвязи рынка и государства может проводиться с позиций взаимодействия частного и государственного секторов в рамках органически целостной системы.

Для того чтобы понять систему управления экономикой в целом, необходимо отказаться от отрыва друг от друга двух понятий: «государственный» и «частный» интересы, от игнорирования проблемы их взаимодействия. Равнозначность общественного и частного секторов обеспечивает именно принцип дополнительности и, следовательно, совместимость частных и общественных интересов. Одновременно это означает равную значимость государственной и частной собственности в их взаимодополнении. Это исключает или, во всяком случае, ослабляет риск подмены рыночной состоятельности государственной и частной форм собственности своего рода «вертикализацией» их отношений, что ведет к потере эффективности в обоих секторах экономики.

Острая потребность в сбалансированном сочетании частных и общественных начал ощущается сегодня не только в трансформирующемся российском обществе, но и в развитых либеральных демократиях. В их современном инновационном развитии происходит быстрый рост удельного веса социального капитала, обнаруживающий исторические границы либеральной модели общественного устройства. Сегодняшний мир, вступая в постиндустриальную фазу развития, делает ставку на ведущую роль человеческого фактора и социальной сферы. Постиндустриальная эпоха знаменует отказ от абсолютного приоритета экономики, от экономического детерминизма, означающих объяснение общественного развития только как результата воздействия преимущественно экономических факторов. Постиндустриальная парадигма будет характеризоваться не только иным соотношением общественных и частных интересов, но и иным соотношением социального и экономического начала смешанной экономики. Переход к инновационному типу развития, в который втягивается и Россия, порождает потребность в работнике, способном к творчеству, тяготеющем к демократическим порядкам и либеральным ценностям.

Представляется, что современная экономическая наука при разработке модели экономики, обеспечивающей стабильное развитие, должна учесть суть эволюционной и институциональной концепций, а также необходимость человеческого измерения инновационной экономики, признать современную экономику смешанной экономикой, необходимость замены обанкротившейся теории и модели рыночного саморегулирования кейнсианской теорией и моделью регулирующей роли государства. Общество может устранить возможность повторения угрозы кризиса, перейдя к альтернативной модели эконо-

мики, которая обеспечит ему социальный консенсус на основе устойчивого экономического роста и повышения благосостояния всего населения.

Литература

1. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 9–27.
2. Дзарасов С. Российский кризис: истоки и уроки // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 69–85.
3. Скоробогатов А.С. Макроэкономическая роль институтов: от онтологической неопределенности к концепции делового цикла // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. 2005. Т. 3, № 2. С. 83–95.
4. Розмаринский И. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 48–59.
5. Хайтун С.Д. Социальная эволюция, энтропия и рынок // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 94–109.